

отодвигает на второй план все созданное под влиянием его идеологии, оставляя в центре то, что имеет общечеловеческую ценность и звучание.

Уже первые шаги в литературе характеризуют Л. Леонова как художника, размышляющего и выносящего на страницы своих произведений, прежде всего, проблемы онтологического характера. У Леонова всегда в центре Вселенная, Мир, Человек. Тайна их возникновения и тайна завершения...

Но здесь возникает проблема: найти такие слова, такие формы выражения мысли, которые по своим масштабам были бы соразмерны глобальным величинам, рассматриваемым Леоновым в произведениях. Л. Леонов ищет и находит такие формы – «формы тайнописи», позволяющие говорить художнику о жизни, бытии. Эти формы не называют (а назвать – значит ограничить, завершить); они приближают каждого из нас *не к знанию*, потому что тайну жизни познать никому не дано, а *к пониманию* масштабов сложности мироздания. «Формы тайнописи» позволяют художнику обозначить то, что нащупывается интуитивно, что рождается в его сознании как предчувствие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблемы творчества. Проблемы поэтики Достоевского. 5-е изд., доп. Киев, 1994.
2. Ковалев В. А. Творчество Л. Леонова. М.; Л., 1962.
3. Леонов Л. М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1: Повести и рассказы / Вступ. статья и примеч. О. Михайлова. М., 1981; Т. 4: Соть: роман; Саранча / Примеч. О. Михайлова. М., 1982.
4. Леонов Л. М. Повести и рассказы. Л., 1986.
5. В поисках «золотого иероглифа»: Из беседы проф. А. И. Овчаренко с Л. М. Леоновым 19 ноября 1981 года // Наш современник. № 8. 1994.
6. Семенова С. Парадокс человека в романах Л. Леонова 20–30-х годов // Вопросы литературы. № 5. 1999.
7. Харламов С. Тайна света, идущего изнутри // Слово. № 11/12. 1994.
8. Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1993.

Елена Владимировна Рогачева

СЮЖЕТ «МИРОВОГО ЗАГОВОРА» В РОМАНАХ У. ЭКО «МАЯТНИК ФУКО» И Б. АКУНИНА «АЗАЗЕЛЬ»

В статье рассматриваются варианты одного из сквозных сюжетов мировой литературы, связанные между собой не только типологически. Автор показывает, как сюжетная модель философского романа У. Эко интерпретируется в детективном повествовании Б. Акунина.

ВСТУПЛЕНИЕ (КОРОТКОЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ)

Идея мирового господства преследует человечество, можно сказать, с самого его рождения. Вспомним хотя бы Александра Македонского. Но никому пока не удалось претворить эту идею в жизнь. Может быть, поэтому так много фантастической и философской литературы посвящено именно ей.

Я решила исследовать, что же так привлекает двух современных писателей У. Эко и Б. Акунина в этой идее, что заставляет их снова обыгрывать сюжет мирового заговора в своих произведениях. Для хотя бы более или менее подходящего ответа на этот вопрос недостаточно анализа основных событий сюжета романов «Маятник Фуко» и «Азazelь». Вот почему я обращаюсь к другим элементам поэтики романов.

Поскольку идея мирового господства носит захватнический характер, то ее реализацию можно считать преступлением. Значит, необходимо также исследовать орудие преступления, т. е. то, с помощью чего должен осуществиться захват, состав банды (плохие парни), бригаду следователей (хорошие парни) и, конечно, интерпретацию самой идеи как героями, так и автором.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ (длинная, но динамичная)

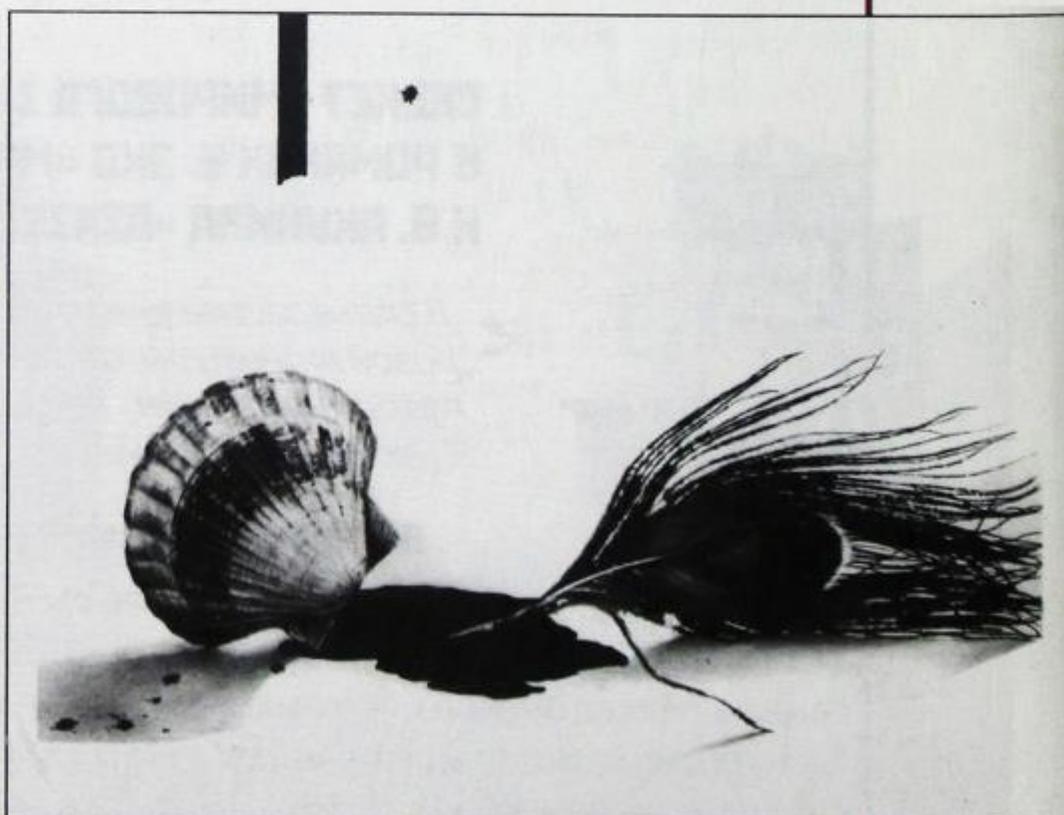
Едва взглянув на книги, мы тут же замечаем, что одна из них заметно толще другой. Действительно, в «Азazelе» 224 страницы, в «Маятнике Фуко» 754. Что же такое есть во второй книге, чего нет в первой? Ответ однозначен: глубокие философские рассуждения (ФР). Если просто-напросто убрать все ФР из «Маятника Фуко», то получится как раз 224 страницы отборнейших, динамичнейших событий детективного жанра. Так, я думаю, и поступает Б. Акунин в своем романе «Азazelь», и сюжет мирового заговора, обыгранный в «Маятнике Фуко», обретает новую жизнь в качестве захватывающего исторического детектива.

Идеей фикс главных героев романа Умберто Эко становится разгадка невероятных тайн, которые унесли с собой в могилу древние рыцари тамплиеры после запрета их ордена. Действие книги происходит в наше время. Героев впервые знакомит с Планом мирового заговора некий бывший полковник, бесследное исчезновение которого подбивает трех работников небольшого миланского издательства «Гарамон» вести собственное шуточное расследование «дела о тамплиерах». Но эта шутка постепенно перерастает в манию поиска истины.

Герой Б. Акунина имеет дело далеко не с шутками. Его заставляет начать расследование (а он — новоиспеченный работник русской полиции, живущий во второй половине XIX в.) странное самоубийство, а затем захватывает головокружительный водоворот невероятных событий: таинственных исчезновений, покушений на жизнь и смертей. «Нет времени рассуждать — пора действовать!» — вот девиз героев книги. Действия преступников агент русской полиции Эраст Петрович Фандорин обдумывает обычно в дороге, например, в купе первого класса поезда «Петербург–Москва», хотя чаще ему хватает и пары минут, чтобы обмозговать новую информацию. Вот случай: Фандорин только что чудесным образом спасся от смерти в холодных водах Темзы, и — хлоп!... мы уже видим его сушащим сапоги и документы на солнышке, с готовым планом в голове. Готового плана в «Маятнике...» читатель ждет целых два года сюжетного времени.

Вот почему главный злодей у Акунина выясняется лишь за пару минут до конца чтения книги: дальше читатель скользит по страницам уже со скоростью света. Но даже этот

А. П. ЕРЯКОВ. ПЕРО И РАКОВИНА (2)

«эффект неожиданности», излюбленный прием таких мастеров классического детектива, как Агата Кристи, Артур Конан Дойл и т. д., отсылает нас к романам У. Эко. Вспомним, например, другое не менее известное его произведение «Имя розы», где убийства происходят в пределах монастыря с частотой приблизительно одно в день да к тому же совершаются с невероятной жестокостью. Главный злодей здесь не тот, кого подозревает читатель, и имя его выясняется только в конце книги.

В «Маятнике...» кровавых преступлений гораздо меньше, и почти все они совершаются в финале с такой скоростью, что читатель с трудом понимает происходящее. Почти одновременно с этим открывается, кто тот коварный главарь группировки фанатиков (т. е. главный злодей) и существует ли вообще группировка. Эта-то идея существования чудовищного клана, орудующего у всех на виду, члены которого — близкие друзья и знакомые «хороших героев», и положена в основу сюжета. «Плохие» — фанатики — в обеих книгах одержимы идеей мирового господства, правда, у Б. Акунина «главный злодей», имя которого из соображений читательской этики лучше не называть (вдруг кто-нибудь не читал книги), прикрывается нравственными идеалами.

Главные злодеи книг, как это обычно и бывает, внешне совершенно хладнокровны, рассудительны, вежливы и даже чем-то милы, но только тайна их раскрыта, и — о Боже!.. — личина спадает: перед нами одержимые, с горящими глазами люди, ледяным голосом читающие приговор главному герою. Вот пример из «Азазеля»: «Все, милый юноша... К сожалению, я не могу оставить вас в живых» [Акунин 2000: 214]. Здесь злодею как будто жаль героя («к сожалению», «милый»).

Когда что-то идет не по их плану, они теряют прежнее хладнокровие: «Гадина, сволочь, ты сама знаешь, что это неправда... Это подтасовка! Остановить их!» («Маятник Фуко») [Эко 1999: 694].

«Это неправда!... Я искренне сожалею о каждой из потерянных жизней. Но нельзя вычистить Авгиевы конюшни, не замаравшись. Один погибший спасает тысячу, миллион других людей» (198).

Главные злодеи — тонкие психологи и способны управлять массами, вопрос в том, правильно ли выбранное направление и человечны ли средства, которыми они добиваются своей цели. «Цель оправдывает средства» — этот своеобразный девиз звучит в «Маятнике...» как иезуитский. Как известно, отношения внутри этого ордена строились на строгом подчинении воле старшего, жестоких наказаниях за проступки и обязательстве шпионить друг за другом. На этом же принципе строятся отношения внутри тайной организации в «Азазеле». У нее много филиалов по всей Европе. В каждом таком учреждении воспитываются послушники — будущие члены организации. «Азазель» — только одна из секций: «F» — это «Force» (сила), то есть все, имеющее касательство к механизму прямой власти... А еще есть категория «S» — «Science» (наука), категория «A» — «Art» (искусство), категория «B» — «Business». Есть и другие...» (197). По сути, «Азазель» — передовой отряд посвященных в тайну заговора. Их задача — «прибрать к рукам штурвал управления миром» (213). Как известно, главным стремлением иезуитов было установление верховенства католической власти над государственной. К тому же обе «организации» прикрывались религиозными мотивами, чтобы держать под контролем всех своих подопечных. Этому, безусловно, помогала и шпионская сеть. Особые люди в «Азазеле» должны следить за продвижениями по службе многих членов организации, необходимых для исполнения плана. По иронии судьбы эта слежка не пошла на пользу «злодеям». К Эрсту Фандорину попадают некоторые сведения из картотеки шпионов, что и помогает ему раскрыть заговор.

Если в «Азазеле» «штурвал управления миром» — это реальная политическая власть, то в «Маятнике...» орудие завоевания — всего лишь метафора. «Подзем-

ные токи», которые, конечно, не существуют (в том и великая тайна, раскрытая героями), регулирование их в своих целях, а значит, и возможность управлять землетрясениями, цунами и прочими стихиями стали причиной создания тайными организациями исследовательских вышек: Эйфелевой башни в Париже, Им-пайер Стэйт Билдинг (Empire State Building) в Нью-Йорке и проч. Так в шутку предположили герои, в это всерьез поверили некоторые влиятельные личности, начав поиски точки, из которой можно регулировать эти токи.

В этом смысле «Азазель» есть реализованная метафора, поэтому роман и не воспринимается всерьез в отличие от «Маятника...», признанного глубоко философским романом. Любое иносказание, представленное как реальность, всегда выглядит несколько комично. Поиски истины заводят главного героя в невероятные политические и шпионские дебри, в реальности которых не сомневаются ни автор, ни читатель, ни, тем более, герой. Все происходящее для него — реальность, даже привидение, что стучится в окно второго этажа в одной из дешевых лондонских гостиниц. Тут, признаться, даже читатель начинает задумываться, уж не «фантастику» ли (в смысле жанра) он держит в руках, и с облегчением вздыхает, когда оказывается, что перед ним всего лишь умелое театральное представление.

По чести говоря, у У. Эко тоже есть сомнительные моменты реализации метафор. Так, главным героям удается наблюдать, как по рецептам каких-то алхимиков выращиваются в небольших сосудах некие мифические существа гомункулы, человечки величиной 20–30 см, которым открыты тайны прорицания. Но тут же автор умело сравнивает их с восковыми статуэтками, чем вновь привлекает почти исчезнувшее внимание читателя-рационалиста.

В книге Эко тайна в том, что никакой тайны нет и что План — всего лишь иносказание или удачная, потому что правдоподобная, новая интерпретация, основа которой — торговый чек XVI века.

Основа расследования Фандорина также письменный текст — рапорт о самоубийстве некоего студента, то есть сам факт деяния существует только в языковой форме, каким он существует и для нас, читателей, что, может быть, и заставляет нас вести свое собственное расследование параллельно с Эрастом Петровичем. Наша фантазия начинает свой интерпретаторский процесс и редко совпадает с акунинской. Вот почему появление главного злодея для нас столь неожиданно. Автор как бы предлагает нам самим трактовать события текста, и, когда вдруг с восторгом говоришь себе: «Я понял, кто злодей!», автор издевательски намекает читателям — гиликам (то бишь нам), что это еще не конец. Таким образом, то, что существует для героев Эко лишь на словах, в «Азазеле» — сущая реальность.

Так что же стало ключевым принципом создания интерпретации? Думается, это история, история «навыворот».

Герои Эко в шутку создают свой план из старинного документа и через него объясняют многие крупнейшие события истории, например Вторую мировую войну. Акунин берет эту идею истории «навыворот» и создает организацию, которая воспитывает великих деятелей в разных областях политики, экономики, науки, искусства, этакий рог изобилия (неслучайно здесь так легко подобрать метафору, ведь сама организация, будучи иносказательным образом, отсылает нас ко многому другому). Тем самым автор объясняет, почему «в 19-м столетии, начиная с его середины» «стремительно развиваются наука, техника искусство, законотворчество, промышленность...» (197). В таких рассуждениях можно зайти и дальше и объяснить «серебряный век» русской культуры, научно-техническую революцию рубежа XIX–XX веков и т. д. Можно также предположить, что организация разваливается где-то во время Первой мировой войны. Так и хочется интерпретировать историю еще дальше, но, развивая акунинскую идею, временные

рамки мы обязаны сузить — XIX–XX вв. Эко работает в гораздо более крупных масштабах, начиная древними мудрецами и кончая... Вот тут, пожалуй, стоит поставить жирное многоточие. Эко изобрел уникальный способ выворачивания истории, почти что универсальный. Им, как инструкцией, руководствуется Акунин в разных своих книгах. Так, автор объясняет, почему Иван Грозный был таким жестоким царем и почему так затянулась русско-турецкая война 70-х гг. XIX века. Но, уже начав новую серию книг «Провинциальный детектив», писатель отбрасывает эту идею. Почему же? У Эко в своей книге «Маятник Фуко» отвечает на этот вопрос от имени одного из своих героев: «... мы анаграммировали все книги истории... Изменяя книгу, изменяешь мир... Должен существовать *один* смысл, остальные — ошибочные, если же нет — смерть...» (668-669).

Перекраивание истории выглядит чем-то вроде богохульства или шагания по краю пропасти. Стоит совершить один неверный шаг — нарушить один из трех принципов рационализма: принцип тождества ($A=A$), принцип непротиворечия (одна и та же вещь не может быть A и не A одновременно) и принцип исключенного третьего (либо A истинно, либо A ложно: третьего не дано) [Эко 1996: 10] — и рассыплется вся причинная цепь, а значит, вся наша реализованная метафора полетит в тартарары.

Но все же, несмотря на наши самостоятельные попытки раскрыть тайну самим, главными интерпретаторами остаются герои книг. Образы «хороших» героев всегда несколько схожи.

Фандорин в «Азазеле» — молодой человек с хорошей внешностью и незаурядными данными детектива, очень успешный ученик двух своих чиновных начальников: «шефа» Ивана Бриллинга и Ксаверия Феофилактовича Грушина. Он похож на Казобона, героя «Маятника...» возрастом, рассудительностью, трудолюбием, он быстро бегают и не гнушается семейной жизни. Расставание с любимыми очень сильно сказывается и на том, и на другом, что говорит о сентиментальности, чувствительности их натуры. В конце обеих книг главные герои понимают, что лишились семьи и больше не увидят своих жен: одному из них остается только ждать скорой смерти, другому — «проститься с юностью».

Мотив душевного одиночества главных героев, безусловно, есть в обеих книгах. Так, Якопо Бельбо в «Маятнике...» начинает подозревать, что весь мир против него, что все вокруг — участники мирового заговора. Эта паранойя передается и Казобону, сама их интерпретация становится параноической. Магазины, торгующие оккультным товаром, церкви, случайные прохожие — все вокруг становится как бы частичкой огромного метафорического, судьбоносного исторического процесса, и в центре мироздания — Эйфелева башня. Но если в «Маятнике...» герою только кажется, что весь мир против него, в «Азазеле» вокруг Фандорина действительно множество тайных агентов «организации», ему не к кому обратиться за помощью.

Но ведь и в «Маятнике...» герои попадают в сеть реального заговора. Надо сказать, что эта организация вторична, создана искусственно и не представляет собой большой исторической значимости, как любая современная секта, хотя являет опасность для одиноких своих противников.

Что же уберегло героя Акунина от цепких лап фанатиков? Сначала дружба, ведь он был не совсем одинок: у него все еще оставался верный учитель Грушин и новоиспеченный друг офицер Зуров, — а затем любовь и простое желание жить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (МАЛЕНЬКОЕ, НО СЕРДИТОЕ)

Столкновение плохих и хороших героев необходимо для полноценного сюжета, ведь если предположить, что первым никто не мешает творить их злые дела, а вторые и не подозревают, что где-то за их спинами совершаются столь коварные

злодеяния, то мир рано или поздно будет завоеван, а теория всемирного заговора так и не будет создана. Но это противоречит существованию самого сюжета. Иначе как читатель поймет, что перед ним именно всемирный заговор?

Собственно, в книге У. Эко нет однозначного ответа, был заговор или нет. Автор какими-то полупамятками и недосказанностями дает читателю понять: то, что происходит, очень похоже на заговор, но де полной уверенности у автора нет. Зато однозначный ответ есть у Б. Акунина: фанатическая группировка существует, и ее нужно срочно уничтожить.

Хочу подчеркнуть: я подозреваю, что и отрицающие наличие сюжета заговора в «Маятнике...» читатели-интерпретаторы, и абсолютно уверенные в его существовании правы. Но правы ли они на самом деле, мы узнаем, только прочитав сами книги и создав новую собственную теорию заговора.

По сути говоря, Б. Акунин тоже попал в ряды читателей-интерпретаторов. Он воспользовался теорией героев «Маятника...» и то, что было предъявлено как ошибка, претворил в жизнь в своей книге, провел эксперимент: воплотил теорию на практике. Получилось что-то вроде антиутопии: идеальный мир, создаваемый «Азазелем», рушится вместе с заговором... Но это уже совсем другая история.

THE HAPPY END

ЛИТЕРАТУРА

1. Акунин Б. Азазель. М., 2000. Далее ссылки приводятся по этому изданию с указанием страниц в тексте работы.
2. Эко У. Маятник Фуко. СПб., 1999. Далее ссылки приводятся по этому изданию с указанием страниц в тексте работы.
3. Эко У. Два типа интерпретации // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 10–21.

А. П. ЕРЯКОВ. БЕЛАЯ КОМПОЗИЦИЯ № 3

